

Русский
толстый
журнал как
эстетический
феномен

Русский Журнал
рабочие тетради

Последнее обновление: 06.04.2011 / 08:01

Обратная связь: zhzh@russ.ru

[Новые поступления](#)

[Афиша](#)

[Авторы](#)

[Обозрения](#)

[О проекте](#)

[Архив](#)

Опубликовано в
журнале:

[«Иностранная
литература» 2011,
№3](#)

Чарльз Диккенс

Чарльз Диккенс

Современная наука поимки воров

Очерк. Перевод и вступление А. Ливерганта

Перевод: Александр Ливергант

Язык оригинала: английский

версия для печати

« < - > »

Чарльз Диккенс#

Современная наука поимки воров

Очерк

Вступление А. Ливерганта

От переводчика

Очерк Чарльза Диккенса “Современная наука поимки воров” увидел свет в 16-м номере выпускавшегося писателем журнала “Домашнее чтение” от 13 июля 1850 года. В этом очерке впервые выведен полицейский детектив сержант Уитчем, человек невыразительной внешности (низкорослый, полноватый, с изуродованной оспой лицом, плохо, неряшливо одетый), но при этом неизменно добывающийся “выразительных”

результатов. Находчивого Уитчема, который действует и в других очерках Диккенса этих лет, например, в “Сысской полиции”, Диккенс не придумал: сержант Уитчем действительно служил в лондонском сыске, и писатель с ним встречался. Обращают на себя внимание пародийные черты этого “серьезного”, социально значимого очерка: Диккенс высмеивает непревзойденный дедуктивный метод лондонских сыщиков, у которых на расследование сложных дел “уходит десять минут”.

Если воровство - это искусство (а кто станет отрицать, что наиболее утонченные виды этого занятия заслуживают именоваться изящным искусством), то поимка воров - наука. И то сказать, для овладения многотрудным делом поимки воров потребуются недюжинная изобретательность вора, его знание человеческой натуры, все его мужество, все его хладнокровие и владение собой, его незаурядная способность читать мысли по выражению лица; вся его несравненная ловкость рук, весь его богатый жизненный опыт и умение им в любую минуту воспользоваться; все хитроумные способы менять в случае необходимости свою внешность, равно как и редкий дар достоверно изобразить глубочайшее душевное страдание, а также долготерпение и чистосердечие.

В случае, если какой-нибудь оборванец залезет на улице к вам в карман или неумелый “гастролер” попытается умыкнуть у вас часы, - любому полисмену в любом из семнадцати подразделений лондонского сыска не составит труда мгновенно отреагировать на ваши истошные крики “Держи вора!” Однако для поимки мошенников изобретательных, таких, кто не просто крадет, а, подольстившись, выуживает у вас деньги; кто обводит вас вокруг пальца с самым невинным видом, кто успевает обчистить вашу кладовую, откуда ваш слуга спускается в нее по лестнице; кто строит внушительные склады и “освобождает” уважаемые фирмы от солидных партий товара, кто обкрадывает нуждающихся или непутевых молодых людей, - для поимки и наказания таких незаурядных плутов понадобятся полицейские рангом повыше.

К каждому подразделению лондонской полиции приписаны два офицера, именующиеся “детективами”. Полицейский штат подразделения состоит из шести сержантов и двух инспекторов. Таким образом, лондонская сыскальная полиция, о которой мы так часто последнее время слышим, составляет всего-то сорок два человека, в чьи обязанности входит носить цивильное платье и осуществлять наиболее сложные сыскальные операции. Детективы должны не только противостоять всевозможным махинациям всевозможных прохвостов, чьим способом существования является откровенное жульничество, но также раскрывать семейные тайны, расследование коих потребует исключительной деликатности и такта.

Дабы продемонстрировать, чем отличается обыкновенный полицейский от детектива, приведем один пример. Перед отходом ко сну ваша жена обнаруживает, что ее туалетная комната ограблена. Ящики туалетного столика опустошены - остались лишь те украшения, которые были в тот вечер на ней, красоту ее теперь ничто не оттеняет, как если бы она была не знатной леди, а квакершей. Не осталось ровным счетом ничего: все трогательные знаки внимания, коими вы одаривали жену перед свадьбой, в бытность ее женихом, исчезли, в том числе и ваш портрет в рамке, оправленной золотом и драгоценными камнями, брильянты ее покойной матушки, браслеты от “любящего папочки”, подаренные ей на прошлый день рождения, бутылочки и скляночки

из дорожного несессера, который с риском для жизни привез из Парижа в феврале 1848 года дядя Джон, - улетучились. Сколько-нибудь ценные вещи похищены самым подлым образом; при этом все остальное в комнате осталось нетронутым: ни один стул не сдвинут с места, дорогостоящие часы с маятником на камине тикают как ни в чем не бывало; квартира - такая же чистая и прибранная, какой ее оставила горничная. Ваши домочадцы, переполошившись, бегают вверх-вниз по лестнице, пока, наконец, не собираются в комнате хозяйки. Никто ничего не понимает, и при этом каждый считает своим долгом высказать гипотезу, хотя "кто это сделал" неизвестно решительно никому. Горничная ударилась в слезы, с поварихой вот-вот случится истерика, и в конце концов вы предлагаете вызвать полицию, что воспринимается собравшимися как оскорбление - хозяин, стало быть, кого-то заподозрил, и прислуга, разобидевшись, спускается к себе.

Является X-49. Вид одновременно глуповатый и загадочный. Своим ничего не выражающим взглядом он обводит все углы, задерживается на всех лицах в доме (кошка - не исключение). Изучает все замки, затворы и задвижки, уделяя особое внимание тем из них, за которыми хранились украденные сокровища. После чего заявляет, что они "похищены", и дает понять, что локоном^[1] на этот раз дело не ограничилось. Затем он дотошно перечисляет те ценные предметы, что не пострадали, отводит вас с глубокомысленным видом в сторону, тушит фонарь и осведомляется, не подозреваете ли вы кого-то из прислуги. Задается этот вопрос таинственным шепотом - для подозрений, дескать, имеются все основания. После чего он исследует верхние спальни и в комнате, где живут служанки, обнаруживает между матрацами плохонькое кольцо - самое дешевое из пропавших, а также негодную серебряную зубочистку. Вы вашим горничным полностью доверяете, но какие только мысли при этом у вас не возникают? Вы предлагаете горничных задержать, однако ваша жена за них заступает, и полицейский отбывает: прежде чем упечь кого-то за решетку, он обязан переговорить с инспектором.

Веди это дело X-49, вашим бедам не было бы конца и по сей день. Последовала бы целая серия судебных разбирательств по обвинению в клевете и возмещению убытков, что обошлось бы вам в сумму, куда большую, чем стоимость украденных драгоценностей, и вызвало бы негодование всех ваших соседей, а также близких друзей вашей прислуги. Однако, по счастью, инспектор немедленно посылает к вам ничем не примечательного, серьезного вида человека, который сообщает вам, что является одним из двух детективов подразделения X. На расследование дела у него уходит десять минут. На осмотр помещения - пять. Подобно тому, как знаток живописи с первого взгляда определит, чьей кисти картина, а дегустатор после первого же глотка - какого года вино, так и детектив сразу же узнает "мастеров своего дела" по стилю исполнения. И если не самого исполнителя, то, по крайней мере, "школу", к которой он принадлежит. Осмотрев туалетный столик, он бросает беглый взгляд на парапет вашего дома, а затем - столь же беглый - на задвижки на чердачном окне. Сыщик все понял, и теперь он, скорее всего, обратится к вам со следующими словами:

- Все ясно, сэр. Это дело рук одного из "школы танцоров".

- Боже праведный! - восклицает ваша обворованная супруга. - Этого не может быть! *Наши* дети берут уроки танцев у мсье Падеде, живущего в доме номер 81, и, уверяю вас, учитель это в высшей степени уважаемый... Что же до его учеников...

- "Танцорами", - снисходительно улыбаясь, перебивает ее сыщик, - у нас принято называть грабителей, от которых

вы пострадали. - И детектив объясняет вашей жене, что представители воровской профессии делятся на шайки или на “школы”. - Все дома по вашей улице, начиная с дома 82, не достроены. Вор забрался на верхний этаж одного из домов и оттуда пролез к вам на чердак...

- Но между нашим домом и восемьдесят вторым - еще сорок домов. Почему в таком случае вор не удостоил своим вниманием наших соседей? - допытываетесь вы.

- Либо потому, что верхние этажи в этих домах труднопроходимы, либо у тамошних хозяек нет столько драгоценностей.

- Но откуда ворами это известно?

- Велись тщательные наблюдения, наводились справки. Ограбление, подобное вашему, готовится обычно не меньше месяца. За вашим домом осуществлялась слежка, грабители выясняли, как складывается ваш день, каковы ваши привычки. Они узнали, когда вы ужинаете, сколько времени проводите в столовой. Затем определяется день проведения операции; и, пока вы сидите за столом, а прислуга подает вам еду, кража совершается. Прежде чем ее совершить, грабители проводят много дней на крышах соседних с вами домов, чтобы узнать, каким образом лучше всего попасть к вам в дом. Выбирается чердак; вор туда проникает, а затем на цыпочках, словно “танцуя”, прокрадывается в комнату, предназначенную для ограбления.

- Есть ли у нас *хоть какой-то* шанс вернуть украденное? - с тревогой спрашиваете вы, сразу же, во всех подробностях, представив себе как обстояло дело.

- Надеюсь, что да. Я уже отправил своих людей вести наблюдение за “заказчиками”.

- Заказчиками?!

- За скупщиками краденого, - поясняет детектив, отвечая на наивный вопрос вашей благоверной. - Ваши драгоценности будут вынуты из оправы, а золото пойдет на переплавку. - Бедная жена издает сдавленный крик. - Мы посмотрим, не будет ли в это ночное время поблизости какого-то шума. Не идет ли дым из какой-нибудь печи, где переплавляется золото. Я *сам* попробую отыскать одного из подозреваемых “чердачников” - еще одна кличка этих грабителей. “Подставить” ваших горничных, подложив им в постель кольцо и зубочистку, мог только один человек. Думаю, я знаю, чьих это рук дело. Это наверняка его работа.

На следующее утро все предположения сыщика полностью подтверждаются. Он является к вам, когда вы после бессонной ночи завтракаете, и кладет перед вами на стол полный список украденных вещей, после чего извлекает из кармана кое-какие драгоценности жены, чтобы она их опознала. По прошествии трех месяцев вашей половине возвращают почти все вещи, невиновность ее горничных установлена и не подлежит сомнению; вора же забирают из “школы” и отправляют “на каникулы” за решетку.

По сравнению с достижениями небольшой армии лондонской сыскной полиции, дело это ничем особо не примечательно. Ведь иногда детективам приходится расследовать грабежи, осуществленные с такой дьявольской изобретательностью, что найти преступника, на взгляд обывателя, не представляется возможным. Вор не оставляет ровным счетом никаких следов. Кажется, ключей к разгадке преступления и в помине нет, однако опыт детектива помогает ему выбрать верный путь, невидимый для наших глаз. Не так давно - дело было в фешенебельном отеле - вор залез в дорожный сундук, кража была совершена столь искусно, что заподозрить было решительно некого. Детектив, за которым послали, откровенно признался, тщательно изучив дело, что надежд на раскрытие преступления нет никаких. Однако, выходя из номера, где стоял обобраный сундук, он подобрал с ковра самую обыкновенную пуговицу и, не сказав никому ни слова, сравнил ее с пуговицами на рубашках, что еще остались в сундуке. Пуговицы не совпадали. Он промолчал, но весь оставшийся день провел в гостинице. Со стороны могло показаться, что он задался целью со всей тщательностью исследовать все бельевые шкафы. В действительности же он искал рубашку или манжету, где бы не хватало одной пуговицы. Поиски его длились не один час, однако сыщик не унывал и в конце концов терпение его было вознаграждено. У одного остановившегося в гостинице джентльмена на рубашке отсутствовала одна пуговица. Чего не заметил бы никто, кроме нашего детектива. Он внимательнейшим образом изучил форму оставшихся на рубашке пуговиц, и оказалось, что они в точности совпадают с той, которую он давеча подобрал на ковре. Он проследил, куда делись пропавшие из сундука ценные вещи, установил связь между ними и подозреваемым, устроил очную ставку подозреваемого с владельцем сундука и, наконец, сумел принудить вора признаться в содеянном. В другой гостиничной краже ключом к раскрытию преступления явился обломок ножа, сломавшегося в замке кофра. Нанятый для раскрытия этого дела детектив долго и неустанно занимался поисками ножей со сломанным лезвием и в итоге обнаружил такой нож у младшего официанта, который на поверку вором и оказался.

Повышенной бдительности заслуживают так называемые модники - разодетые в пух и прах столичные жулики, которые принадлежат к лондонской “школе” и число которых достигает от ста пятидесяти до двухсот человек. В “профессии” они котируются очень высоко.

Самые ловкие из них ухитряются избегать встречи со стражами закона; эти попадают на скамью подсудимых чрезвычайно редко. Один такой “модник”, некий Кларк, совершил множество преступлений, однако за четверть века ни разу пойман не был. Умер он “состоятельным джентльменом” в Булони, где жил в старости на свои “сбережения”, которые вложил в недвижимость. Старый ворюга Уайт благополучно дожил до восьмидесяти лет, однако повел он себя неблагоприятно, ибо счел за лучшее существовать на пожертвования других “модников”. Когда же его старых товарищей настигли закон или смерть, следующее поколение “модников” признать его право на их щедрость наотрез отказалось, и свои дни он окончил в рабочем доме. В среднем же представители этой славной воровской “школы” проводят на свободе не больше четырех лет кряду.

Заработки некоторых “модников” весьма велики. Они располагают солидными суммами, которые нужны им для проведения специальных операций. Велики и их дорожные расходы, ибо свой урожай они снимают во время важных публичных okazji, где бы эти okазии ни происходили - в городе или в сельской местности. Четверо таких “модников”, к примеру, нажились лет семь назад на ливерпульской ярмарке крупного рогатого скота. На ярмарке, как таковой, лондонская сыскная полиция не присутствовала, но один из детективов подстерег мошенников на Юстон-стейшн. По прошествии четырех проведенных на ярмарке дней

джентльмены, которых он разыскивал, вышли из вагона первого класса; одеты все четверо были с иголки. Детектив, не поднимая шума, задержал их багаж; “модники” упросили его обращаться с ними, как с джентльменами. Именно так он и поступил: отвел их для осмотра багажа в отдельную комнату, где они любезно предложили ему пятьдесят фунтов - в случае если он их отпустит. От денег сыщик отказался и самым тщательным образом изучил содержимое их чемоданов, где обнаружили несколько золотых булавок, часы (некоторые очень ценные), цепочки и кольца, серебряные табакерки, а также банкноты на общую сумму сто фунтов! Но поскольку владельцев большинства украденных вещей отыскать не удалось, те же, кто объявился, в суд подавать не пожелали, “модники” в итоге отделались пустяшным наказанием.

Чтобы сорвать планы “модников”, два сержанта лондонской сыскной полиции познакомились с каждым из них лично и вследствие этого появились на месте преступления как раз вовремя, предотвратив ограбление. Детективы, таким образом, становятся не только сыскной, но и превентивной полицией. Приведем пример.

Вы приехали в Оксфорд на День поминовения. Спускаясь по широкой лестнице в “Рубаке”, вы обгоняете превосходно одетого джентльмена, всем своим видом напоминающего иностранца. Полосатый жилет, до блеска начищенные штиблеты и девственная белизна его перчаток (одну из коих он теребит в своей не лишенной изящества, холеной руке) являются неопровержимым свидетельством того, что направляется он на бал, который этим вечером дают в “Мертоне”. Взгляд, коим он вас мимоходом окидывает, быстр, но внимателен; и если джентльмен и задерживает сей испытующий взгляд, то не столько на вашем лице, сколько на золотых часах - вы только что извлекли их из кармана, дабы удостовериться, что на ужин вы не опаздываете. Когда вы делаете шаг в сторону, чтобы дать ему пройти, он, в благодарность за вашу вежливость, грассируя, на парижский манер, произносит в нос “пар-р-р-дон” и одаривает вас столь учтивой улыбкой, что у вас невольно возникает мысль, а не говорит ли он по-английски; вам он определенно пришелся по душе, и вы уже прикидываете: если он будет ужинать в ресторане отеля, не грех было бы с ним познакомиться.

У подножия лестницы на коврик стоит человек. Неприметен, честный взгляд, во внешности и выражении лица нет ровным счетом ничего угрожающего, однако впечатление, которое он одним своим видом производит на вашего будущего знакомого, совершенно поразительно. Элегантно одетый господин в белых перчатках внезапно, словно пытаясь удержаться на ногах после выпущенной в него пули, поднимается на носки, щеки его покрываются мертвенной бледностью, а губы, которые складываются в слово “coquin!”^[2], предательски дрожат. Он сознает, что повернуть обратно (он с удовольствием бы повернул, если б мог) уже поздно, ибо стоящий у подножия лестницы не спускает с него глаз. Ему ничего не остается, как заговорить первым, что он и делает, - правда, шепотом. Он отводит неприметного человека в сторону, и вы слышите, как тот требует от мсье, чтобы он посадил всю свою “школу” на семичасовой поезд и отправлялся восвояси.

Вы воображаете, что мсье - это, скорее всего, какой-нибудь несчастный школьный учитель, угодивший, на свою беду, в руки к бейлифу. Гостиницу они покидают вместе - очень возможно, направляясь в место предварительного заключения. Вам так жаль вашего нового знакомого, что подмывает броситься за ними следом и предложить за мсье залог. Вы, однако, очень голодны, к тому же как раз в эту минуту официант объявляет, что ужин подан.

В кабинете за лестницей стол накрыт на четверых, однако собутыльников за ним лишь трое. Люди это, судя по всему, уравновешенные - нет, явно не джентльмены, но вести себя умеют.

- Что с мсье? - интересуется один из них, однако ответа на этот вопрос не знает никто.

- Подождем его еще?

- Нет, хватит. Официант, подавайте!

По тому, как они держатся, видно, что “Рубак” слишком для них фешенебелен. К столовому серебру они не привычны. Серебряные вилки кажутся им столь тяжелыми, что один из сидящих за столом, словно невзначай, взвешивает вилку на ладони, в то время как внимание его соседа занято гравировкой перочницы и солонки. При этом разговор между ними не прерывается ни на минуту. Когда вносят рыбу, третий, сидящий за столом бросает безразличный взгляд на крышку блюда и, когда официант выходит из кабинета за соусом, стучит по ней ногтем и, обращаясь к сидящему напротив, осведомляется:

- Серебро?

Тот отрицательно качает головой и дает понять, что крышка *всего-навсего* металлическая. Официант приносит холодный пунш, и друзья принимаются за еду. Пьют они немного, но смешивают напитки, нисколько не задумываясь о последствиях. Холодный пунш они запивают шерри, шерри - шампанским, в промежутке же пропускают стаканчик портвейна и бутылочного портера. Их беседа становится все громче и оживленнее - однако пьяными их не назовешь. Ценитель серебряных крышек рассказал друзьям отличный анекдот, и собутыльники покатываются со смеху. И тут в кабинете появляется все тот же призрак. Когда он, оперев костяшки пальцев в край стола, обводит всех строгим взглядом, громкий смех, словно по волшебству, смолкает. Перемена, произошедшая с придворными спящей красавицы, которые в мгновение ока погрузились в глубокий сон, - ничто в сравнении с той, что произошла с джентльменами, сидящими в “Рубаке”. Сейчас вы, как никогда, понимаете смысл выражения “лишиться дара речи”. Таинственный незнакомец меж тем интересуется, располагают ли сидящие за ужином наличными деньгами.

- Наличности сколько угодно, - следует ответ.

- За гостиницу, надо полагать, заплачено? - продолжает задавать вопросы все тот же неумолимый голос; он, как выясняется, принадлежит тому самому неприметному человеку, который давеча так нелюбезно обошелся с французом.

- До последнего пенни.

- Точно? - допытывается вопрошающий.

- Честное слово...

- Тихо! - перебивает его нарушитель спокойствия и предостерегающе поднимает руку. - Сегодня что-нибудь натворили?

- Ничего. Ровным счетом ничего.

Затем он произносит вполголоса еще что-то, и до вас вновь доносятся слова “школа” и “семичасовой поезд”. Сидящие за столом не в том возрасте, чтобы быть учениками француза; скорее, они - его подручные. И все-таки маловероятно, чтобы всем им было предъявлено одно и то же обвинение одним и тем же полицейским чином!

Тут со счетом в руке появляется встревоженный хозяин гостиницы, за ним следует старший официант - он убирает со стола и при этом внимательно считает вилки. Троица платит по счету и, крадучись, покидает ресторан; таинственный человек неотступно следует за ними. В этот момент они похожи на овец, которых гонят на бойню.

Вы сопровождаете троицу на вокзал и на перроне обнаруживаете француза, тот горько жалуется, что его “продали ни за что”. Троица сочувственно вздыхает. Несмотря на всемогущество преследующего их таинственного незнакомца, ваше любопытство вынуждает вас к нему обратиться. Вы отходите с ним в сторону, и он раскрывает вам свои карты.

- Дело в том, - говорит он, - что я сержант Уитчем из сыскной полиции.

- А эти четверо?

- Члены воровской школы “модников”.

- “Школы”?!

- Шайки. Бывают самые разные шайки, то бишь группы людей, которые “работают” вместе, подыгрывая друг другу. Эти джентльмены и по изобретательности, и по мастерству котируются весьма высоко, и, останься они здесь, урожай бы они собрали очень неплохой. Француз - их главарь.

- А почему они с такой покорностью выполняли ваши распоряжения?

- Потому что понимают: если бы я их задержал (а я мог это сделать, ибо знаю, что они собой представляют) и отвел к мировому судье, их бы уpekли за решетку как мошенников и бродяг на месяц, по меньшей мере.

- Стало быть, они предпочитают лишиться очень неплохой наживы, готовы отказать себе в званом обеде - лишь бы не угодить в тюрьму?

- Именно так.

Раздается звонок, и все пятеро в одном и том же вагоне отбывают в Лондон.

Эта история и в самом деле имела место; другая, с ней сходная, произошла во время визита королевы в Дублин. Одного появления офицера сыскной полиции перед королевским поездом, в котором “модники” уже разместились, было достаточно, чтобы “школа” изменила свои планы. Они сочли за лучшее вернуться в Англию тем же пароходом, что и детектив, а не оставаться в Ирландии, где бы их почти наверняка посадили на четырнадцать или на двадцать восемь дней как мошенников и бродяг.

Детективы, о которых идет речь, так хорошо знают своих “подопечных”, что нередко могут по выражению лица, по тому, как “модники” себя ведут, догадаться, что они замышляют. Сведения, которые сыщики собирают об этих людях, именуется в полиции “материалом”. Некоторое время назад два опытных детектива, досконально изучивших всех “модников” до одного, шли по Стрэнду по своим делам и увидели, как два “представителя” сей славной “школы”, оба превосходно одетые и отличающиеся изысканными манерами, входят в ювелирный магазин. Детективы дождались, пока “модники” выйдут, и, заметив, как они обменялись понимающими взглядами, пришли к выводу, что у ювелира они побывали неспроста. Сыщики последовали за ними, и через несколько минут один “модник” что-то передал другому. Вору были задержаны, обвинены в краже, и выяснилось, что из магазина они вынесли два золотых монокла и несколько колец с драгоценными камнями. “Глаз, - сообщил нам один из детективов, - отличный детектор. По выражению лица затерявшегося в толпе ‘модника’ можно догадаться, что у него на уме”.

Считается, что число лондонцев, зарабатывающих на жизнь воровством, не превышает шести тысяч; из них около двухсот - первоклассные вору или “модники”; еще шестьсот - аферисты, мошенники, делающие прибыль на коммерческих и денежных операциях, а также похитители собак. Число взломщиков, “танцоров”, “чердачников” и других орудующих отмычками мастеров своего дела, достигает сорока. Остальные же являются карманниками и прочими мелкими жуликами - в основном это подростки, которые забираются в лавки и крадут деньги из кассы.

Наука поимки воров необходима для того, чтобы разыскать или перехитрить всех этих прохвостов. В настоящем очерке, однако, невозможно дать нашему читателю сколько-нибудь полное представление о том, каким мастерством, умом и познаниями должен обладать полицейский детектив. К этой теме мы еще вернемся в одном из следующих выпусков.

© А. Ливергант. Перевод, вступление, 2011

[1] Намек на ироиколическую поэму "Похищение локона" (1712-1714) английского поэта Александра Попа (1688-1744). (Здесь и далее - прим. перев.)

[2] Здесь: негодяй! (франц.)

[в начало страницы](#)

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)
